

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.513.5
DOI: 10.14529/law250211

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Э. С. Геворкова, *stud0000300412@study.utmn.ru*
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных теоретико-методологических и нормативных подходов к определению понятия и сущности генетической информации человека как сформировавшегося объекта конституционно-правового регулирования. Сформулирован конституционно-правовой взгляд на юридическое значение генетической информации, правовые последствия ее использования, трактовку ее объектного состава на современном этапе развития геномных исследований. Показаны основные направления потенциального развития конституционно-правового регулирования общественных отношений, связанных с получением, использованием и распоряжением генетической информацией. Предложены концептуальные направления конструирования конституционно-правовых норм о генетической информации в дискурсе обеспечения прав и свобод человека и гражданина как наивысшей публично-правовой ценности.

Ключевые слова: генетическая информация, геном человека, конституционно-правовое регулирование, конституционно-правовые нормы, субъективные права и свободы, конституционная модернизация.

Для цитирования: Геворкова Э. С. Понятие и сущность генетической информации человека как объекта конституционно-правового регулирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25, № 2. С. 66–73. DOI: 10.14529/law250211.

Original article
DOI: 10.14529/law250211

THE CONCEPT AND ESSENCE OF HUMAN GENETIC INFORMATION AS AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW REGULATION

E. S. Gevorkova, *stud0000300412@study.utmn.ru*
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the disclosure of various theoretical, methodological and normative approaches to defining the concept and essence of human genetic information as an established object of constitutional law regulation. A constitutional and legal view is formulated on the legal significance of genetic information, the legal consequences of its use, and the interpretation of its object composition at the present stage of development of genomic research. The main directions of potential development of constitutional law regulation of social relations related to the receipt, use and disposal of genetic information are shown. Conceptual directions for constructing constitutional law norms on genetic information in the discourse of ensuring human rights and freedoms of citizens as the highest public legal value are proposed.

Keywords: genetic information, human genome, constitutional law regulation, constitutional law norms, subjective rights and freedoms, constitutional modernization.

For citation: Gevorkova E. S. The concept and essence of human genetic information as an object of constitutional law regulation. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2025. vol. 25. no. 2. pp. 66–73. (in Russ.) DOI: 10.14529/law250211.

Эпоха геномных исследований в биологии и медицине, позволившая получать полный геном человека со всей содержащейся в нем генетической информацией, обусловила возникновение целого ряда принципиально новых для юридической доктрины и практики задач и проблем, связанных с необходимостью правильной интерпретации понятия и сущности указанных феноменов с последующим формированием нормативно-правовых конструкций и правоприменительной практики, комплексно отражающих юридические факты, детерминированные генетической диагностикой и терапией.

При этом, как и любые другие, общественно значимые объекты, на базовом уровне генетическая информация нуждается в конституционно-правовой объективации, вокруг которой последовательно создается дальнейшая конструкция межотраслевого законодательного регулирования, находящегося в регулятивной плоскости гражданского, административного, уголовного, медицинского и других отраслей права, как классических, так и комплексных [1, с. 18–29].

Рассматривая понятие генетической информации человека, обратим внимание на безусловную необходимость применения широкого междисциплинарного подхода для выявления и фиксации ее ключевых признаков и характеристик, непосредственно влияющих на определение ее места и роли в конституционно-правовой материи [15].

При этом конституционализация новых общественных отношений, вызванных научно-техническим прогрессом и фактическими достижениями в определенной сфере, должна происходить комплексно, во взаимосвязи и с учетом основ конституционного строя, субъективных прав и свобод, публично-правовых интересов государства и общества. В данном контексте следует согласиться с обоснованным мнением С. А. Васильева, высказанным относительно появления новых субъектов права, о том, что такое появление уже само по себе «порождает его соотношение со всеми остальными субъектами...», и это обстоятельство необходимо учитывать при конструировании конституционно-правового регулирования [4].

Таким образом, если экстраполировать теоретико-методологический подход, предложенный С. А. Васильевым для определения основополагающих принципов моделирова-

ния конституционно-правового регулирования новых субъектов, на объекты общественных отношений, можно прийти к аналогичному выводу о моментальном возникновении целого комплекса вертикальных и горизонтальных связей, отображающих внутреннее и внешнее воздействие объекта, подлежащего нормативной конституционализации, на уровень и возможности обеспечения прав и свобод человека, содержание и структуру функций и полномочий органов публичной власти (государственной и муниципальной), распределение компетенции между федеральным уровнем и уровнем субъектов федерации, а возможно, и на некоторые основы государственного и общественного строя.

Иными словами, формирование конституционно-правового регулирования такого инновационного объекта, как генетическая информация человека, предполагает, как представляется, проведение нормопроектной и правотворческой деятельности по таким направлениям, непосредственно задействованным в ходе возникновения, осуществления и прекращения регулируемых общественных отношений: 1) определение места и роли генетической информации в системе объектов обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина; 2) формулирование конституционных полномочий органов публичной власти, связанных с реализацией государственной политики в сфере получения, использования и распоряжения генетической информацией человека; 3) формирование аргументированной доктринальной позиции относительно действий, предметом которых выступает генетическая информация, влияние на общественные и государственные (публично-правовые) интересы с выработкой официальной, закреплённой базовыми конституционно-правовыми нормами, позиции государства и общества по поводу допустимых целей, задач, форм, способов и пределов такой деятельности (как первичной по получению генетической информации, так и вторичной, связанной с использованием результатов геномных исследований).

В настоящее время уже не может вызывать сомнений публично-правовой масштаб общественных отношений, связанных с генетикой и геномом человека, поскольку данной сферой затрагиваются и/или могут затрагиваться интересы не только значительного количества частных лиц, но и государства и об-

щества в целом, так как неурегулированное и беспорядочное использование генетической информации [5], безусловно, окажет негативное воздействие и на нормальный порядок государственного управления, и, в особенности, на осуществление важнейшей функции современного правового государства по обеспечению и гарантированию конституционных субъективных прав и свобод, декларируемых высшей ценностью и главной публично-правовой задачей.

В этом смысле следует признать справедливым замечание М. С. Матейковича и В. А. Горбунова о том, что «значимость конституционных интересов должна рассматриваться не с точки зрения отдельного гражданина, а с позиции взаимодействия всех членов общества (в том числе органов публичной власти)» [10]. О неизбежности разделения конституционных интересов по степени их важности аналогичным образом также высказывались А. В. Малько и В. В. Субочев [9], указывавшие, что для частных лиц, тем не менее, зачастую первоочередными оказываются их частноправовые интересы, что однако совершенно не отменяет и не преуменьшает основополагающий и главенствующий характер конституционных, публично-правовых, интересов для всего государства и общества, в силу чего именно важнейшие интересы становятся конституционными, обладающими высшей юридической силой.

Определение конституционно-правовых основ и конституционная объективация генетической информации как раз и относится к подобным интересам всего общества и государства, имеющим социально значимый характер и коллективную ценность в силу огромного потенциала воздействия на правовой статус неограниченного круга лиц, заложенный во всем возможном спектре общественных отношений, возникающих по поводу исследуемого специфического объекта [2].

В действующем российском законодательстве генетическую информацию можно рассматривать с нескольких методологических и нормативно-отраслевых позиций, что свидетельствует о многообразии и полиобъектности общественных отношений, реально возникающих и потенциально возможных в контексте правовых последствий проведения полной диагностики генома человека [3]. Специфической особенностью такого многообразия является и сочетание как частнопра-

вовых, так и публично-правовых интересов при обращении с генетической информацией.

Во-первых, с цивилистической точки зрения генетическая информация может рассматриваться как личное неимущественное (нематериальное) благо и соответствующее указанному благу личное неимущественное субъективное право физического лица. Данный методологический подход основан на положении ст. 128 ГК РФ, который, не упоминая прямо генетическую информацию, устанавливает общую норму о признании нематериальных благ объектами гражданских прав.

В свою очередь, гл. 8 ГК РФ является специальной и раскрывает содержание нематериальных благ, а также механизмы их защиты. В соответствии со ст. 150 ГК РФ, определяющей нормативную конструкцию объектного состава, к нематериальным благам напрямую законодателем отнесены: жизнь; здоровье; достоинство личности; личная неприкосновенность; честь и доброе имя; деловая репутация; неприкосновенность частной жизни; неприкосновенность жилища; личная и семейная тайна; свобода передвижения; свобода места пребывания и жительства; имя гражданина; авторство. Как можно отметить, указанное положение также не содержит понятий и категорий, связанных с генетическими правами и генетической информацией, но в то же время отдельно установлено, что перечень не является исчерпывающим, так как предполагаются и «иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом» [6, с. 88].

Логико-семантический и содержательный междисциплинарный анализ понятия «генетическая информация» дает основания сделать вывод об абсолютной обоснованности ее отнесения к личным нематериальным благам, неотчуждаемым от личности и исключенным из гражданского оборота в силу естественной неотделимости от жизни, здоровья и самоидентификации физического лица, более того, геном человека как раз и отражает в себе индивидуальные характеристики, формирующие самостоятельную личность в биологическом и физиологическом смысле.

Таким образом, генетическую информацию вполне обоснованно считать неотъемлемой составляющей неповторимой личности индивида, которая, более того, как раз и от-

ражает личную индивидуальность, то есть иными словами, принадлежит человеку от рождения. Следовательно, если экстраполировать представление о неотделимости и врожденности генетической информации на конституционно-правовую основу, вполне обоснованным представляется методологический подход, позволяющий рассматривать право на обладание и неотчуждаемость генетической информации к личным (основным) правам человека, таким, как право на жизнь, право на уважение чести и достоинства, право на личную неприкосновенность. Кроме того, если проанализировать содержание категорий «генотип» и «геном», то в них включается совокупность всех генетических характеристик человека, именно в таком конкретном сочетании идентичных понятию «личность», что подразумевает фактическую и юридическую невозможность любой передачи этих характеристик другим лицам, поскольку такая передача (отчуждение) гипотетически нивелирует и непосредственно саму личность.

С другой стороны, генетическая информация может пониматься не только как объективно формирующий личность человека набор генетических характеристик, но и в смысле внешней формы выражения данных о геноме человека либо отдельных генетических характеристиках, под которой имеется ввиду классическое определение информации как имеющей способность к распространению совокупности данных, содержание которых физически может понимать и воспринимать неограниченный круг лиц [7, с. 30].

С указанной точки зрения, в конституционно-правовом контексте генетическую информацию необходимо рассматривать в контексте определения и реализации субъективного права на частную жизнь, в свою очередь также являющейся нематериальным благом в формулировке «неприкосновенность частной жизни».

Следует отметить, что ст. 24 Конституции России в общем виде устанавливает соответствующей декларируемому в ст. 23 праву на неприкосновенность личной (частной) жизни запрет на недопустимость сбора, сохранения, применения и распространения данных о личной жизни лица без его однозначного согласия. В то же время в указанной конституционно-правовой норме детально не раскрывается, о каких конкретно данных (видах информации) идет речь в качестве объекта кон-

ституционно-правовой охраны. Как представляется, объектный состав нормативной конструкции «данные о личной жизни лица» нуждается в уточнении на конституционно-правовом уровне, и в том числе – исходя из необходимости формирования основ конституционно-правового регулирования генетической информации как новейшего объекта современных общественных отношений.

Раскрытие юридического содержания данных о личной жизни лица в конституционно-правовой норме поспособствовало бы унификации судебной практики и формированию единого законодательного подхода в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов федерации относительно пределов допустимого вмешательства в личную жизнь лица и уяснения конкретных сфер, представляющих собой элементы исключительно частной (личной) жизни.

Более того, в юридической науке генетическая информация также пока еще далеко не всегда воспринимается исследователями в качестве устоявшегося элемента субъективного права на частную жизнь, полноценно признаваемого охраняемого конституционно-правовыми нормами. Так, А. Бернар не называет генетическую информацию среди объектов, составляющих частную жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования и соответствующего конституционного субъективного права, определяя в числе прочих таких элементов фактические данные о событиях, связанных с телом человека, но детализируя в качестве таковых только медицинские факты терапевтического характера, но не врожденные характеристики личности генетического характера [16, с. 158].

В то же время существующие правовые позиции Конституционного Суда РФ дают возможность сделать вывод о наличии автономии воли самого лица в принятии решения, какие конкретно данные относить к исключительной сфере его частной жизни, естественно, при условии отсутствия противоречия публичным интересам государства, общества, законным интересам других лиц (в перечисленных случаях информация уже априори не может считаться сугубо личной).

В соответствии с определениями Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О и от 27 мая 2010 г. № 644-О-О в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности

человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если не носит противоправного характера. Иными словами, генетическая информация является элементом частной жизни лица и объективируется в этом качестве конституционно-правовыми нормами при соответствии трем критериям: фактическая и юридическая связь только одному лицу; отсутствие требований обязательного общественного и государственного контроля; правомерный характер осуществления действий по поводу объекта (объективное отсутствие признаков состава правонарушения в действиях лица – носителя информации).

В случае признания и прямой конституционализации подхода к генетической информации как элементу субъективного права на частную жизнь целесообразно выделить некоторые основные юридические последствия реализации подобного дискурса.

Во-первых, генетическая информация в качестве объекта конституционно-правового регулирования права на частную жизнь получает правовой режим данных, изъятых из гражданского оборота, то есть неотчуждаемых и непередаваемых никаким способом, что представляется крайне важным для обеспечения полноценной защиты личных прав, свобод и законных интересов в современных условиях интенсивного прогресса биомедицинских технологий. В частности, исключаются какие-либо договорные отношения, предметом которых выступает генетическая информация о лице, включая куплю-продажу, которая недопустима в плоскости реализации комплекса основных (личных) субъективных прав как публично-правового концепта, составляющего фундаментальную основу конституционно-правового статуса личности.

Во-вторых, непосредственное включение генетической информации в объектный состав данных о личной жизни лица, предусмотренный ст. 24 Конституции РФ, не только формирует основу конституционно-правового регулирования, но и формулирует материально-правовые основания для осуществления правовой охраны общественных отношений, связанных с генетической информацией [8, с. 49].

В-третьих, конституционная объективация генетической информации детерминирует проблему соотношения исследуемого понятия

с категорией «персональные данные», применяемой в федеральном законодательстве. В этой связи необходимо обратить внимание на законодательный пробел, который возникает при попытке урегулировать отношения, связанные с генетической информацией, на отраслевом уровне правоприменения. Положениями Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» понятие «геномная информация» (которое вполне справедливо считать синонимом генетической информации, особенно в том широком смысле, в котором указанным понятием оперирует закон) однозначно интерпретируется в качестве персональных данных, из чего логично следует и распространение правового режима защиты персональных данных на генетическую (геномную) информацию. Вместе с тем в специальном Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» понятия «генетическая информация» и «геномная информация» отсутствуют, что, очевидно, понижает законодательный потенциал защиты генетической информации именно в качестве персональных данных, оставляя принятие окончательного решения о применении тех или иных государственных механизмов защиты на усмотрение правоприменительных органов в каждом индивидуальном случае, чему способствует и отсутствие прямой конституционно-правовой объективации категории «генетическая информация» в ст. 23 и 24 Конституции РФ в рамках конституционно-правового регулирования субъективного права на частную жизнь.

В-четвертых, на перспективы конституционализации генетической информации в качестве самостоятельного объекта конституционно-правового регулирования влияет и третий методологический подход, рассматривающий исследуемую категорию в качестве объекта прав интеллектуальной собственности, имея в виду потенциальную возможность патентования гена. Сторонники указанной идеи ссылаются, в частности, на принцип допустимости патентования изобретений в любых сферах без исключения, провозглашенный в ст. 27 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 г. (далее – ТРИПС) [14], что представляется слишком общим, рамочным подходом для концептуального определения места и роли генетической информации в со-

временной правовой системе. Более того, в науке указывается и на ограниченность применения ТРИПС исключительно рамками биообъектов, биоматериалов и биотехнологий, что, по определению К. Эреки, включает «все виды работ, при которых из сырьевых материалов с помощью живых организмов производятся те или иные продукты» [13, с. 9]. При этом необходимо согласиться с мнением Л. А. Новоселовой и М. А. Кольздорфа о том, что «наиболее дискуссионными являются вопросы, связанные с патентованием определенных нуклеотидных последовательностей природного гена (генов)» [12, с. 294]. Такая дискуссионность, безусловно, связана со значительной спецификой генетической информации [11, с. 54], требующей особого как конституционно-правового, так и законодательного инструментария, а также специального правового режима осуществления связанных с нею правомерных действий с четким отграничением неправомерных форм пользования и распоряжения генетическими (геномными) данными.

В целом, исследование понятия и сущности генетической информации человека как объекта конституционно-правового регулирования дает возможность сделать следующие важнейшие выводы:

а) понятие «генетическая информация» требует конституционализации в качестве неотъемлемого элемента права на частную (личную) жизнь в части формирования конституционного каталога охраняемых объектов, а сама генетическая информация как объект конституционно-правового регулирования должна получить полноценное признание и нормативное закрепление в качестве личного нематериального блага, неотчуждаемого, непередаваемого и пользующегося абсолютной правовой защитой;

б) на законодательном уровне генетическая информация должна включаться в объектный состав механизма защиты персональных данных, предусмотренный федеральным законом, что требует внесения дополнений в действующее законодательство;

в) генетическая информация в качестве объекта конституционно-правового регулирования, предусматривающего реализацию публично-правовых интересов, должна быть изъята из гражданского оборота и не рассматриваться в качестве объекта вещных прав, поскольку имеет тесную и неразрывную связь с личностью и ее врожденными личными характеристиками, неотъемлемыми от самой личности и ее самоидентификации в окружающей действительности.

Список источников

1. Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 18–29.
2. Бородина М. А., Алтынник Н. А., Зенин С. С., Суворова Е. И. Основания для проведения предимплантационной генетической диагностики: выбор оптимальной модели правового регулирования // *Пренатальная диагностика*. 2020. Т. 19. № 2. С. 177–185.
3. Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права // *Правоведение*. 2018. № 2. С. 308–361.
4. Васильев С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. М.: Центркаталог, 2023. 268 с.
5. Зенин С. С., Некрасов М. А. Соматические биотехнологии в системе социальных ценностей современного российского общества // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 1 (158). С. 22–32.
6. Казаков Н. А., Ахтямова Е. В. Правовые проблемы использования генетической информации в Российской Федерации // *Правовое государство: теория и практика*. 2022. № 4. С. 86–93.
7. Калиниченко П. А. Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // *Lex Russica*. 2019. № 6. С. 30–36.
8. Каримов В. Х., Казанцев Д. А. Потенциальные угрозы использования генетических технологий и правовые пути их разрешения // *Вопросы безопасности*. 2022. № 1. С. 48–63.
9. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 359 с.
10. Матейкович М. С., Горбунов В. А. Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 256 с.

11. Мохов А. А. «Синтетический» геном и получаемые с его использованием продукты как новые объекты правоотношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5. С. 51–59.
12. Новоселова Л. А., Кольздорф М. А. Генетическая информация как объект интеллектуальных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 290–321.
13. Романова С. Развитие биотехнологий в России // Ремедиум. 2012. № 7. С. 8–19.
14. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности: заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5160#YOzZCUUWGe7IIPJo>.
15. Суранова Т. Г., Суворов Г. Н., Зенин С. С. Основные подходы к правовой регламентации процессов хранения, доступа и защиты данных полногеномного секвенирования в зарубежных странах // Проблемы права. 2020. № 3 (77). С. 87–96.
16. Bernard A. La protection de l'intimité par la droit privé: eloge du ragot ou comment vices exposés engendrent vertu. Les For Interieur. Paris, 1995. P. 153–179.

References

1. Bogdanova E. E. [Legal problems and risks of the genetic revolution: genetic information and discrimination]. *Lex russica*, 2019, no. 6, pp. 18–29. (in Russ.)
2. Borodina M. A., Altynnik N. A., Zenin S. S., Suvorova E. I. [The grounds for conducting preimplantation genetic diagnosis: choosing the optimal model of legal regulation]. *Prenatal'naya diagnostika [Prenatal diagnosis]*, 2020, Vol. 19, no. 2, pp. 177–185. (in Russ.)
3. Vasil'ev G. S. [Human biomaterial as an object of law]. *Pravovedenie [Legal studies]*, 2018, no. 2, pp. 308–361. (in Russ.)
4. Vasil'ev S. A. *Obshchie nachala sootnosheniya sub"ektiv konstitutsionnogo prava* [General principles of correlation of subjects of constitutional law]. Moscow, 2023, 268 p.
5. Zenin S. S., Nekrasov M. A. [Somatic biotechnologies in the system of social values of modern Russian society]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Current problems of Russian law]*, 2024, Vol. 19, no. 1 (158), pp. 22–32. (in Russ.)
6. Kazakov N. A., Akhtyamova E. V. [Legal problems of the use of genetic information in the Russian Federation]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika [The Rule of law: theory and practice]*, 2022, no. 4, pp. 86–93. (in Russ.)
7. Kalinichenko P. A. [Razvitie sudebnoy praktiki po delam v sfere genomiki cheloveka: mirovoy opyt i Rossiya]. *Lex Russica [Russian Law]*, 2019, no. 6, pp. 30–36. (in Russ.)
8. Karimov V. Kh., Kazantsev D. A. [Potential threats to the use of genetic technologies and legal ways to resolve them]. *Voprosy bezopasnosti [Security issues]*, 2022, no. 1, pp. 48–63. (in Russ.)
9. Mal'ko A. V., Subochev V. V. *Zakonnye interesy kak pravovaya katego-riya* [Legitimate interests as a legal category]. St. Petersburg, 2004, 359 p.
10. Mateykovich M. S., Gorbunov V. A. *Zakonnye interesy v konstitutsionnom prave* [Legitimate interests in constitutional law], Moscow, 2011, 256 p.
11. Mokhov A. A. [The "synthetic" genome and products obtained using it as new objects of legal relations]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)]*, 2020, no. 5, pp. 51–59. (in Russ.)
12. Novoselova L. A., Kol'zdorf M. A. [Genetic information as an object of intellectual rights]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Bulletin of the Perm University. Legal sciences]*, 2020, Vyp. 48, pp. 290–321. (in Russ.)
13. Romanova S. [Development of biotechnologies in Russia]. *Remedium [Remedium]*, 2012, no. 7, pp. 8–19. (in Russ.)
14. *Soglashenie po torgovym aspektam prav intellektual'noy sobstvennosti: zaklyucheno v g. Marrakeshe 15 aprelya 1994 g.* [Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights: concluded in Marrakech on April 15, 1994]. Available at: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5160#YOzZCUUWGe7IIPJo.

15. Suranova T. G., Suvorov G. N., Zenin S. S. [The main approaches to the legal regulation of the processes of storage, access and protection of genome-wide sequencing data in foreign countries]. *Problemy prava [Problems of law]*, 2020, no. 3 (77), pp. 87–96. (in Russ.)

Информация об авторе

Геворкова Эмма Самвеловна, аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.

Information about the author

Emma S. Gevorkova, postgraduate student of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Поступила в редакцию 18 ноября 2024 г.
Received November 18, 2024.